

В просторном родовом храме на коленях в идеальном порядке замерли около сотни жителей Деревни семьи Мао — от мала до велика. Сначала они понуро опустили головы, боясь даже вздохнуть, но, внезапно услышав гневный окрик Мао Айчжу, все разом в ужасе вскинули головы и принялись отчаянно подавать ему знаки глазами.

Мао Айчжу, увидев такую картину, застыл в недоумении. Он окинул храм подозрительным взглядом и, конечно же, сразу заметил единственного человека, который сидел в самом центре под густыми рядами поминальных табличек — прекрасного юношу в массивном кресле из красного дерева.

На вид ему было лет восемнадцать-девятнадцать. У юноши было миловидное круглое личико с нежной розово-белой кожей, а черты лица — до того изящные и красивые, что просто глаз не отвести. Однако, несмотря на облик, он с явным удовольствием жевал сахарный тростник, держа его в обеих руках, а его длинные ноги, закинутаые на подлокотники кресла, беспрестанно болтались в воздухе. Лишь заметив ворвавшегося Мао Айчжу, он перестал чавкать, прищурился, долго и внимательно изучая гостя с ног до головы, и на его лице постепенно проступило выражение полнейшего изумления.

— Это и есть тот самый, о котором вы говорили? Самый успешный и красивый паренек в деревне?

Мао Шушэн, староста Деревни семьи Мао и отец Мао Айчжу, стоявший на коленях в первом ряду, при виде изможденного и выглядящего не лучшим образом сына изменился в лице. Впрочем, человек, столько лет пробывший старостой, быстро сообразил, что к чему, и, потирая руки, заискивающе улыбнулся:

— Маленький предок, вы же видите, деревня у нас маленькая, достойных ребят тут и правда не сыскать. Но мой сын — большой режиссер в городе, у него полно связей, он обязательно найдет для вас того, кто вам приглянется!

Юноша издал короткий смешок, еще раз окинул Мао Айчжу долгим взглядом и лениво спросил:

— Режиссер... это еще что такое?

Мао Шушэн запнулся. Будучи простаком, который почти всю жизнь не покидал пределов Горы Дасюн, он лишь знал, что сын его в городе устроился неплохо: то и дело присылал деньги на ремонт дорог и домов в деревне. Но чем именно тот занимается, объяснить толком не мог.

Староста хотел было попросить самого Мао Айчжу ответить, но, обернувшись, замер... Откуда у его сына такой пылкий взгляд? Неужели, неужели он в своей самоуверенности положил глаз на маленького предка?!

Ой-ой-ой! Если бы маленький предок вдруг вспылал чувствами к его сыну... В конце концов, у

панд период гона в любом случае короткий, и он бы со слезами на глазах позволил сыну ублажить предка на пару дней, но ведь по лицу предка было ясно видно, что сын ему совсем не приглянулся!

Стоило Мао Шушэну представить, как его невинный, глупенький сын, который всю жизнь был помешан лишь на карьере и не имел никакого любовного опыта, столкнется с первой любовью, обреченной на неудачу, как сердце отца сжалось от жалости и тревоги.

Мао Айчжу не подозревал о сложных душевных терзаниях отца. Он даже не расслышал, о чем тот говорил с юношей. С того самого момента, как он увидел этого парня, в голове у него билась лишь одна мысль:

Это успех! Лицо для их третьего сезона шоу Национальный стажер найдено!

Посмотрите на это чудесное личико! На эту тонкую талию! А эти ноги! И зубы... погодите-ка! Это точно человеческие зубы?!

Оказалось, что, видя, как Мао Шушэн мямлит в ответ, а Мао Айчжу таращится на него, светясь от восторга, как идиот, юноша склонил голову набок и оскалился, продемонстрировав ряд пугающе острых, отливающих холодным блеском зубов. С хрустом он откусил огромный кусок от сахарного тростника толщиной в пять-шесть сантиметров, прожевал его и, чавкая, невнятно проворчал:

— Нынешние пареньки... совсем не такие бодрые, как раньше. Взять хотя бы наших великих красавцев из клана в те времена — кто из них не был силен в зверином облике и прекрасен в человеческом? Эх, как там говорится...

Юноша, по-видимому, был не особо начитан: он долго пытался вспомнить фразу, которую когда-то где-то слышал, но так и не смог. Как раз когда он собрался отшутиться, из толпы донесся робкий голос:

— Нравы падают, люди уже не те, что раньше?

— О, точно!

Юноша пришел в восторг и хлопнул в ладоши. От этого хлопка даже выложенный синим камнем пол в храме содрогнулся, распугав змей, насекомых и грызунов, попрятавшихся по углам.

Эти хлопки наконец привели Мао Айчжу в чувство. Его губы задрожали, и из самых глубин памяти всплыла легенда, которую в деревне никто никогда не считал правдой:

Давным-давно на Горе Дасюн жила необычайно сильная мама-панда. Случилось бедствие, и

бамбук на горе погиб за одну ночь. Чтобы прокормить двух слабых детенышей, мама-панда в одиночку отправилась на соседнюю гору, разорила волчье логово и, перегрызая горло волчонку, приволокла его на Гору Дасюн.

Волки — звери крайне мстительные и обожают действовать сообща. Вернувшись в логово и увидев мертвого волчонка, они в ярости почуяли след и бросились в погоню, жаждая крови.

Мама-панда была сильна, но она была всего одна, да еще и с двумя детенышами на иждивении — разве могла она справиться с целой стаей? Когда исход битвы был уже предрешен, мимо проходил молодой охотник из деревни у подножия, который собирал травы. Увидев бедное животное, он взобрался на дерево и начал пускать стрелы одну за другой, помогая панде убить вожака стаи.

Волки, лишившись лидера, в панике поджали хвосты и умчались на соседнюю гору. А мама-панда, получившая тяжелые раны, из последних сил державшаяся на ногах, упала рядом с тушей вожака, едва дыша.

Она знала, что умирает, и со слезами на глазах начала подзывать своих малышей, чтобы те немедленно съели вожака. Она понимала, что детеныши еще слишком малы и без ее защиты не протянут в горах и нескольких дней, поэтому единственным шансом на выживание было съесть как можно больше, пока она еще жива.

Молодой охотник, скрывавшийся на дереве, не выдержал такой картины. Он спустился и, пока мама-панда была без сознания, применил все свои запасы лекарств и те травы, что успел собрать в горах, и чудом спас ей жизнь.

Охотник долгое время ухаживал за пандой и ее детенышами, пока мать не окрепла настолько, что смогла сама охотиться, после чего с тяжелым сердцем вернулся в деревню.

Шли годы, охотник старел. Несмотря на доброе и честное сердце, он был наделен суровым лицом и огромным, мощным телосложением, отчего девушки в деревне боялись его как огня. Так он и остался бобылем, над которым все посмеивались.

Охотнику было горько, он часто ворочался по ночам в пустой постели, пока однажды глубокой ночью в его дверь не постучала пышная молодая красавица с двумя очаровательными, как нефритовые статуэтки, детьми...

Закончив вспоминать эту историю, Мао Айчжу с ошарашенным видом уставился на красивого юношу, который за несколько минут доел весь ствол сахарного тростника, не выплюнув ни единой щепки, и заикаясь, выдавил:

— Ма-маленький предок?

<http://bllate.org/book/21861/2268692>